

ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛДЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ПѢСНЯХЪ

БАЙРОНА

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

Голубоокая богиня,
Богиня мудрости, приди!
Ни въ комъ не вызвала до нынѣ
Ты вдохновенія въ груди.
Здѣсь былъ твой храмъ. Остатки храма
Еще видны до этихъ поръ,
Не истребили ихъ упрямо
Ни время, ни войны раздоръ,
Но хуже чѣмъ вѣковъ теченье,
Чѣмъ пламя грозное войны —
Поработителей страны
Ихъ поразило разрушенье:
Врагамъ невѣдомъ страхъ и стыдъ, —
И ихъ ничто не устрашитъ.

II.

Аюины — старецъ величавый!
 Твоихъ героевъ древнихъ нѣтъ.
 Они явились въ мѣръ съ славой,
 Прошли — съ побѣдой... Гдѣ жь ихъ слѣды?
 Вся эта слава для того ли,
 Чтобъ древнимъ подвигомъ добра
 Подчасъ дивился въ крошечной школѣ
 Досужій разумъ школяра?
 Героя мечь, союста тогу
 Здѣсь межъ развалинъ не найдемъ;
 Подъ тьмой вѣковъ могильнымъ сномъ
 Здѣсь все сковалось новешнему,
 И даже тѣни прежней нѣтъ
 Могущества прошедшихъ лѣтъ.

III.

Встань человекъ одной минуты!
 На эту урну посмотри:
 Здѣсь вѣжды наци сомкнуты,
 Боговъ распались алтари.
 Нѣтъ, не бессмертны даже боги:
 Упалъ Юпитеръ, Магометъ,
 Въ иные храмы, въ синагоги
 Еще поидеть молиться свѣтъ,

 О ты несчастный смерти сынъ,
 Ты, человекъ, хотѣлъ одинъ.

IV.

Къ землѣ прикованный, подняться
 До тайнъ небесъ!.. То призракъ сна!..
 Ты не умѣешь наслаждаться

Той жизнью, что тебѣ дана.
 Жизнь — лучший даръ. Путей не знала,
 Гдѣ жъ съ жизнью встрѣтишься нвѣй?
 Ея награда не понимаю,
 Зачѣмъ покинешь миръ земной?
 Не рвись же въ край еще безвѣстный
 И жизнь земную оцѣни.
 Вотъ урна здѣсь! Сюда взгляни...

.

V.

Иль въ гробъ взгляни, гдѣ погребали
 Героя прахъ, — онъ не встаетъ;
 Онъ палъ, и націи съ нимъ пали
 И слезъ надъ нимъ никто не льетъ.
 Вотъ здѣсь у храма по дорогѣ
 (Какъ намъ преданье говорить,
 Здѣсь прежде жили полубоги)
 Найдемъ мы черепъ... Гадкій видъ!..
 Кто бъ угадалъ, чтобъ въ этомъ храмѣ
 Жилъ прежде богъ? Кто бъ угадалъ,
 Что много истинъ рассказалъ
 Онъ вдохновенными устами?
 Теперь же червь земной и тотъ
 Въ пустую храмину цѣдетъ.

VI.

Взгляни жъ теперь на эти своды,
 На черепъ, брошенный въ тишину:
 То былъ когда-то храмъ свободы,
 Жилище мысли и души.
 Изъ этихъ дыръ глаза пропали,
 Ихъ взглядъ былъ веселъ и игривъ,
 Они теперь не выдавали
 Страстей несдержанный порывъ.
 Какой софистъ великій свѣта,

Какой прославленный мудрецъ
 Возобновить опять дворецъ,
 Возобновить жилище это?
 Здѣсь, посреди могильныхъ плитъ,
 Кто этотъ черепъ оживить?

VII.

„Мы знаемъ то“—ты правъ философъ,
 „Что ничего не знаемъ мы“...
 Зачѣмъ бѣжать отъ тѣхъ вопросовъ,
 Что прямо просятся въ умы?
 У всѣхъ есть скорби, но страданья
 Зачѣмъ ловить намъ на бѣгу?
 Насъ ждетъ міръ вѣчнаго молчанья
 На Ахеронскомъ берегу.
 Тамъ нѣтъ банкетовъ принужденныхъ,
 Гдѣ кормятъ сытыхъ ужъ гостей,
 Но есть постели для костей,
 Последнимъ сномъ обвораженныхъ,

VIII.

Какъ хорошо бы въ міръ новомъ
 Друзей погибшихъ увидать
 И обмѣняться съ ними словомъ,
 И тѣнь любимую обнять!
 Да, встрѣтить было хорошо бы
 Безъ погребальныхъ ихъ вѣнцовъ
 Могучій призракъ мудрецовъ,
 На жизнь смѣнившихъ тѣму и гробы
 И возвѣстившихъ міру вновь
 Слободу, славу и любовь.

IX.

Ты тоже тамъ, въ могилѣ тѣнныя
 Мой лучший другъ, хотя тебя
 Всегда мое воображенье
 Живымъ рисуешь,—и любя,
 Хочу я вѣрить—будетъ время,
 Ты, вставши вновь, съ себя стряхнешь
 Могилы тягостное бремя
 И къ другу прежнему придеши.
 Пусть будетъ въ будущемъ что будетъ—
 Неизмѣню своимъ мечтамъ:
 Что день придетъ и снова тамъ
 Мой поцѣлуй тебя разбудитъ
 И въ этотъ день я буду радъ,
 Что счастливъ мой усопшій братъ.

X.

Здѣсь, на массивномъ пьедесталѣ,
 Подъ тѣнью мраморныхъ колоннъ,
 Сижу... Сатурна сыны! Мы знали:
 Здѣсь прежде былъ твой славный тронъ.
 Ужъ нѣтъ слѣдовъ его величья!..
 Увы! на зло своимъ мечтамъ,
 Ужъ не могу теперь постичь я,
 Какъ былъ великъ твой дивный храмъ?
 Пусть здѣсь вздымаются въ туманѣ
 Остатки гордыхъ колоннадъ—
 Невозмутимый, праздный взглядъ
 На нихъ бросаютъ мусульмане
 И мимо съ пѣсней, безъ заботъ,
 Грекъ легкомысленный идетъ.

XI.

О дивный храмъ! Твои громады
 И этотъ царственный покой,
 Приютъ божественной Паллады,

Кто тронуть смѣлъ своей рукой?
 Кто хищникъ тотъ? Стыдомъ румянца
 Ты, Каледонія, отвѣть:
 Тотъ хищникъ — сынъ твой!... Для британца
 Позоръ дѣтей такихъ имѣть.
 Я радъ за Англію, за бритга,
 Что нѣтъ дѣтей подобныхъ тамъ,
 Рукой которыхъ свергнуть храмъ,
 Святыни древняя разбита,
 А алтари ихъ прочь съ земли
 Печально волны унесли.

ХІІ.

Что пощадили турки, готы,
 То новый пиктъ не пощадилъ,
 Суровъ, какъ скалы родныхъ высоты,
 Онъ умъ и сердце засушилъ.
 Холодный деспотъ разрушенья,
 Лишь приготовилъ онъ одинъ
 Коварный планъ перемѣщенья
 Остатковъ бѣдственныхъ Аѳинъ.
 Въ своемъ безсильи, аѳиняне
 Въ виду разбитыхъ алтарей
 Узнали слезы матерей,
 Имъ не знакомы заранѣ,
 Узнали, какъ горька судьба
 Въ цѣпяхъ изнываго раба.

ХІІІ.

Когда жъ британца восхищали
 Аѳинъ страданья? Пусть враги
 Подъ нашимъ флагомъ ихъ терзали,
 Но отъ Европы береги
 Такой разсказъ. Какъ? Край свободы?
 Морей царица?... Тамъ могли
 Срывать лохмотья въ годъ невзгоды
 Съ окровавленной ужъ земли?

Какъ? въ томъ краѣ, гдѣ слезы днѣ,
 Явилась Гарпіей она,
 И все, чѣмъ славилась страна,
 Что и тираны пощадили,
 Что даже время не взяло,
 То мщенье Англіи снесло?..

XIV.

Твоя Эгида гдѣ, Паллада?
 Аларикъ ею сдержанъ былъ.
 Зачѣмъ опять не могъ изъ ада
 Встать страшнымъ призракомъ Ахиллъ?
 Ужель Плутоу не въ силахъ снова
 Героя новаго создать,
 Чтобъ разомъ хищника другого
 Съ позоромъ вновь съ земли согнать?
 Увы! въ тѣ дни, бродилъ безъ дѣла
 Онъ по стигійскимъ берегамъ
 И не вернулся къ тѣмъ стѣнамъ
 Ихъ защищать собою смѣло,
 Хоть прежде стѣнъ знакомый валъ
 Онъ постоянно охранялъ.

XV.

Кто въ этой Греціи унылой
 Въ себѣ тѣхъ чувствъ не находилъ,
 Какъ предъ любимую могилу, —
 Тотъ сердце мертвое носилъ.
 О, кто безъ слезъ посмотритъ нынѣ
 На край, измученный отъ ранъ,
 На искаженные святыни,
 На жертвы хищныхъ англичанъ?
 Будь проклята часъ, когда узнали
 Они сюда вторичный путь,
 Когда раздавленную грудь

Безчеловѣчно разрывали
И увезли чужихъ боговъ
Трофеямъ хладныхъ береговъ.

XVI.

Но гдѣ жь Гарольдъ? Намъ не пора ли
Теперь къ нему вернуться вновь?
Людскія скорби и печали
Его не трогали. Любовь,
Красавицъ милыхъ изліянья
Не пробуждали въ немъ тоски,
Другъ ни единый на прощанье
Не протянулъ ему руки,
Когда онъ въ путь стремился новый.
Его душа была тверда,
Невозмутима, какъ всегда.
Онъ бросилъ смѣло край суровой,
Край преступленья и войны
И шелъ искать иной страны.

XVII.

Кто въ морѣ былъ, тотъ, вѣрно, знаетъ,
Какъ новый видъ плѣняетъ взглядъ:
Вотъ вѣтеръ парусъ надуваетъ,
Вотъ съ мѣста тронулся фрегатъ.
На право — рядъ неуловимый
Церквей, домовъ, — ихъ скрылъ туманъ,
На лѣво — всталъ неизмѣримый,
Великій, грозный океанъ.
Мелькаютъ стаей лебединой
Кругомъ конвойныя суда;
Не смотритъ вяло никогда
Изъ тѣхъ фрегатовъ ни единый,

Лишь только волны къ килю льнуть
И разсыпаясь вокругъ бѣгутъ.

XVIII.

А тутъ матросы съ видомъ важнымъ,
Вотъ сътъ большая...пушекъ рядъ...
Команды звукъ: съ прыжкомъ отважнымъ
Матросы вверхъ ползуть, скользятъ..
Чу! на фрегатѣ раздается
Призывный боцмана свистокъ.
Пока по мачтѣ смѣло вьется
Иной матросъ и новичекъ
Изъ мичмановъ, визгливымъ тономъ
Матросовъ хвалить иль хулить —
Тотъ боцманъ только засвиститъ;
И свистъ его всѣмъ сталъ закономъ
И этотъ юноша ведетъ
Весь экипажъ по лону водъ.

XIX.

На чистой палубѣ шагаетъ
По долгу службы лейтенантъ.
Онъ постъ свой строго охраняетъ,
Угрюмъ и нѣмъ онъ, какъ педантъ.
Для всѣхъ безстрастный, липнимъ словомъ
Онъ подчиненныхъ не почтитъ
И на лицѣ его суровомъ
Печать начальника лежитъ.
Британцы строги въ дисциплинѣ,
Вела къ побѣдамъ ихъ она,
А потому-то вся страна
Ей подчинится всюду нынѣ,
И знаетъ бриттъ — хотъ строгъ законъ,
Но къ славѣ ихъ приводитъ онъ.

XX.

Дуй, вѣтеръ, злѣе!..Солнце стало
 Склоняться, меркнуть небеса...
 Подъ вечеръ судно адмирала
 Убавить разомъ паруса,
 Судовъ отсталыхъ поджидая...
 Чтò за тоска ихъ въ морѣ ждаты
 И ради ихъ, — вѣдь лѣнь какая! —
 Попутный вѣтеръ потерять.
 Потерянъ даромъ вечеръ цѣлый,
 Но мы стоимъ....Журчитъ волна,
 Темна морская глубина,
 Опущенъ съ мачты парусъ бѣлый
 И намъ приходится все ждаты
 Лѣнтыевъ, вздумавшихъ отстаты.

XXI.

Взошла луна. Клянусь, нѣтъ мочи
 Мнѣ не хвалить такую ночь!
 Тамъ, на землѣ, въ часъ этой ночи
 Не можетъ вздохомъ превозмочь
 Предъ дѣвой юноша влюбленный....
 А между тѣмъ, я слышу званъ:
 Толпой матросовъ окруженный,
 Играетъ новый Аріонъ
 Нагѣвъ, любимый моряками,
 И подъ знакомой пѣсни звукъ
 Живѣе двигается кругъ,
 Въ тактъ ударяя каблуками,
 И не пугаетъ ихъ тогда,
 Что подъ ногами ихъ — вода.

XXII.

Черезъ проливъ Кальпе предъ нами
 Европа въ Африку глядитъ.

Геката блѣдными лучами
 Теперь равно васъ серебрить:
 Страна испанки черноокой
 И мавра смуглаго страна...
 Испанскій берегъ одинокій
 Открылся взорамъ, и луна
 Лѣса и скалы освѣщала,
 Но африканскій берегъ былъ
 Почти не видѣнъ, мракъ сходилъ
 И тѣнь широкая сползала
 До береговъ съ его вершинъ...
 Тамъ тьма одна, тамъ мракъ одинъ.

XXIII.

Въ такую ночь — живѣй мечтанья
 О тѣхъ, кого любили мы;
 Въ такую ночь воспоминанья
 Еще живѣй встаютъ изъ тьмы...
 Кто жъ радъ, себя повѣривъ строго,
 Упасть подъ тяжестію лѣтъ,
 Когда въ немъ молодости много,
 Но нѣтъ любви и счастья нѣтъ?
 Увы! когда любовь пропала
 И больше въ насъ не разцвѣтетъ —
 Пусть смерть на встрѣчу къ намъ идетъ:
 Для смерти дѣла будетъ мало....
 Ахъ, юность! Если бъ мы опять
 Могли тебя переживать!...

XXIV.

Такъ сидя на краю фрегата
 Глядишь на волны иногда,
 Въ мечтахъ о томъ лишь, что когда-то
 Случалось въ прошлые года.
 Среди страданій неизмѣнныхъ
 У насъ у всѣхъ на днѣ души
 Есть много образовъ священныхъ,

И мы лелѣемъ ихъ въ тиши.
 О нихъ мы память берегаемъ,
 И сколько бѣ жить намъ не пришлось —
 Не мало теплыхъ, чистыхъ слезъ,
 Благоговѣйныхъ слезъ роняемъ,
 И той печали тайный слѣдъ
 Не потеряется отъ лѣтъ.

XXV.

Бродить межъ пропастей по скаламъ,
 Выходить до самыхъ облаковъ,
 Жить межъ народомъ одичалымъ,
 Незнавшимъ рабства и оковъ,
 Слѣдить въ горахъ за дикимъ стадомъ
 Съ нимъ уходить въ дремучій боръ,
 Сидѣть, склонясь надъ водопадомъ,
 Жить безъ людей въ ущельяхъ горъ,
 Спускаться къ пропастямъ глубокимъ, —
 Еще не значить быть однимъ
 Скитальцемъ мрачнымъ и чужимъ
 И въ цѣломъ мѣрѣ одинокимъ, —
 Но это значить — тотъ постигъ
 Природы тайны и языкъ.

XXVI.

Но тотъ, кто въ шумномъ вихрѣ свѣта
 Одной усталостью томимъ,
 Идетъ безъ ласки, безъ привѣта,
 Никѣмъ незнаемъ, не любимъ,
 Кто никогда любимцамъ счастья
 Не повѣрялъ своей тоски,
 Не вѣдалъ теплаго участя
 И честной, дружеской руки,
 Кто посреди льстецовъ холодныхъ,
 Ханжей безчувственныхъ, живетъ
 Для всѣхъ чужой, лишь только тотъ
 Въ своихъ мученіяхъ бесплодныхъ

Сказать со вздохомъ тайнымъ могъ,
 Что онъ на свѣтѣ одинокъ.

XXVII.

Счастливей ты, монахъ Асона,
 Когда глядишь съ своей скалы
 Подъ ясной глубию небосклона,
 А тамъ, внизу шумятъ валы.
 Когда твой берегъ одинокій
 Увидитъ путникъ предъ собой —
 Къ нему спѣшитъ съ тоской глубокой
 И съ самой искренней мольбой.
 Когда жъ въ туманѣ исчезаетъ
 Священный край пустынныхъ горъ,
 Пославши имъ прощальный взоръ
 О томъ лишь странникъ тутъ вздыхаетъ,
 Что долженъ въ мѣръ явиться вновь,
 Смѣнивъ на ненависть любовь.

XXVIII.

Но мы слѣдить напрасно бѣ стали
 За походомъ моряковъ,
 За тѣмъ, гдѣ бури ихъ встрѣчали,
 Гдѣ вѣтеръ гналъ отъ береговъ.
 Пройдемъ молчаньемъ рядъ утесовъ,
 Гдѣ то надежда, то бѣда
 Играли участью матросовъ,
 Ведущихъ по морю суда,
 Гдѣ мертвый штиль подчасъ смѣнялся
 Волненьемъ моря въ ревъ грозъ,
 Но зорко смотритъ въ даль матросъ:
 Въ туманѣ берегъ показался.
 „Земля! Земля!“ и каждый взоръ
 Глядитъ впередъ въ морской просторъ.

XXIX.

И вотъ встають въ морской пучинѣ
 Калипсы скорбной острова,
 Но нѣтъ теперь на нихъ богини,
 Она не плачетъ, какъ вдова,
 О томъ, кто ей въ нгузю нору
 Для слабой смертной измѣнилъ...
 А дальше тамъ мы видимъ гору :
 Здѣсь сынъ Улисса совершилъ
 Въ морскую глубь свѣченъ ужасный,
 Суровымъ Менетромъ смущенъ,
 И вырвался невольный стонъ
 Изъ груди ннны той несчастной;
 Здѣсь долго плакала она,
 Что ихъ обонхъ лишена.

XXX.

И нѣтъ богини этой нынѣ...
 Но берегись, о молодежь :
 Ты здѣсь, на тронѣ той богини
 Калипсу новую найдешь!..
 Флоранса! Если бъ сердце это
 Я для любви не схоронилъ,
 Тогда бъ, повѣрь, любовь поэта
 Къ твоимъ ногамъ я положилъ.
 Но ты не можешь быть моею,
 У насъ различные пути,
 И это чувство привести
 На твой алтарь я не посмѣю;
 Тебя не смѣю я будить,
 Чтобъ ты могла меня любить.

XXXI.

Такъ думалъ Чайльдъ, смотря безастрасно
 Въ глаза Флорансы. Онъ лишь могъ

Ей удивляться безосновно,
 Спокойно, тихо, безъ тревогъ.
 Амура не смѣлъ къ нему послухася,
 Хоть близостьъ благъ: имъ рѣшено,
 Что сердце Чайльда встрепенулось
 Не въ состоянн данно,
 Что возбудить въ немъ прежней страсти
 Онъ по желанію не могъ,
 И сознавалъ давно божокъ
 Потерю прежней, сильной власти
 Надъ сердцемъ, гдѣ одна тоска
 Была сильна и глубока.

XXXII.

Самой Флорансъ непреклонной
 Былъ страненъ Чайльдъ при встрѣчѣ той,
 Что онъ не палъ, обвороженный
 Ея волшебной красотой?
 Какъ онъ, одинъ, предъ чуднымъ взглядомъ,
 Который былъ для всѣхъ кругомъ
 Судьбой, закономъ, раемъ, адомъ
 Не пресмыкается рабомъ?
 Ей было странно съ нимъ встрѣчаться,
 Гарольдъ Флорансу удивилъ,
 Что передъ ней онъ не сгншилъ
 Хотя бъ влюбленнымъ притворяться...
 Извѣстно: женщинъ никогда
 Любовь не сердить, господа.

XXXIII.

Она не знала безъ сомнѣнья,
 Въ своемъ невѣдѣнн грѣша,
 Что эта смѣлая душа
 Сильна искусствомъ обольщенья.
 Въ своей любви она горда,
 Она хитро разставитъ сѣти,

Не дорожить она на свѣтъ
 Побѣдой легкой нѣкогда.
 Нѣтъ, Чайльдъ нашъ шелъ тропой мною,
 Искусствомъ прежнимъ пренебрегъ
 И если бъ даже снова могъ
 Вдругъ полюбить, то предъ женою
 Плаксивымъ юношей не былъ
 И униженно не любилъ.

XXXIV.

Тотъ сердце женщинъ знаетъ плохо,
 Тотъ вовсе ихъ не могъ понять,
 Кто лишь мольбой и силой вздоха
 Старался страсть въ нихъ пробуждать.
 До побѣжденныхъ — нѣтъ имъ дѣла!..
 Люби подругу юныхъ дней,
 Но ей въ глаза гляди ты смѣло,
 Не работай передъ ней.
 Умѣй сдержатъ порывы ласки,
 Хотя бъ огонь въ крови кипѣлъ,
 Будь дерзокъ ея женщиною, смѣлъ;
 Подъ вѣшнимъ льдомъ наружной маски
 Умѣй въ ней чувство раздражить:
 Тогда она начнетъ любить.

XXXV.

Та пѣснь стара... Въ томъ убѣдились,
 Мы всѣ, кто началъ рано жить...
 Когда желанья притушились,
 Чѣмъ тѣ желанья воскресить?
 Мы подошли къ ничтожной цѣли, —
 Нѣтъ больше цѣли впереди,
 Душа мрачна, мечты слетѣли
 И сердце умерло въ груди —
 Вотъ все, что страсть даетъ въ награду...
 А если въ жизни иногда

Страстей кипуче года
 Встрѣчаютъ долгую преграду,
 То тѣхъ терзаний новый гнетъ
 И насъ самихъ переживетъ.

XXXVI.

Но бросимъ эти размышленья.
 Мы встретимъ новый рядъ картинъ,
 Насъ ждутъ инныя впечатлѣнья
 И берега иныхъ долинъ.
 Своей тоской руководимы,
 Мы много новыхъ странъ пройдемъ;
 Онъ мечтой неуловимы,
 Ихъ описаній не найдемъ
 Мы въ книгахъ тѣхъ, гдѣ гражданина
 Хотятъ давно ужъ научить
 Тому, чѣмъ онъ обязанъ быть,
 Хотя, — намъ думать есть причина, —
 Теперь сомнительно, чтобъ онъ
 Когда нибудь былъ наученъ.

XXXVII.

Природа — мать! Ты намъ дороже
 Всего... Мнѣня часто видъ,
 Ты каждый разъ встаешь моложе,
 И образъ твой къ себѣ манить.
 Своимъ величьемъ умѣла
 Сердца людей тревожить ты,
 Когда искусство не посмѣло
 Тревожить дикой красоты.
 Ты мнѣ нерѣдко улыбалась
 Въ глухую ночь, при блескѣ дня,
 Но больше тѣшило меня,
 Когда ты бурей разражалась,
 Когда грозой ревѣла мгла
 И небо молнія рвала.

XXXVIII.

Но вотъ Альбанія предъ нами...
 Примѣръ для многихъ мудрецовъ:
 То — гробъ, наполненный костями
 На полѣ павшихъ мертвецовъ,
 Суровый край! О, гдѣ ты, гдѣ ты?
 Не узнаю я этихъ мѣстъ:
 Вокругъ поднялися минареты;
 Гдѣ на церквахъ былъ прежде крестъ,
 Теперь рогъ мѣсяца блистаетъ,
 Да позабытый рядъ могилъ
 Лѣсъ кипарисный осыплетъ
 И вѣчной тѣнью покрываетъ:
 Ихъ не видать среди садовъ,
 Твоихъ старинныхъ городовъ.

XXXIX.

Гарольдъ плыветъ. Промчалась мимо
 Нагого берега стѣна:
 Здѣсь Пенелопа недвижимо
 Смотрѣла въ волны. Здѣсь видна
 Еще великая могила.
 О, Сафо! Вѣрно, не могла
 Твоихъ стиховъ волшебныхъ сила
 Тебя спасти, — ты умерла...
 Ужели власть безсмертной музы
 Такъ въ этомъ свѣтѣ не прочна,
 Что лечь въ могилу ты должна,
 Съ себя не свергнувъ смерти увы?
 Ты, жизнь дававшая другимъ,
 Теперь сковалась сномъ нѣмымъ.

XL.

То былъ часъ вечера — и въ морѣ
 Открылся Левкадійскій мысъ (*).

(*) Левкадія — нынче Сень-Моръ. Съ вершины его мыса, какъ говоритъ преданіе, Сафо бросилась въ море.

Съ скалой, откуда въ тайномъ горѣ
Ты, Сафо, бросилася внизъ.
Чайльдъ на скалу смотрѣлъ въ волненьи
И съ ней разстаться не желалъ.
Хоть онъ не мало мѣстъ видалъ,
Гдѣ были битвы и сраженья,
Но, — такова его звѣзда, —
О нихъ кровавые рассказы
Гарольдъ не слушалъ никогда;
Солдатъ подкупленныхъ проказы
И спѣсъ воинственныхъ дружинъ
Въ немъ возбуждали смѣхъ одинъ.

XLI.

Когда жъ звѣзда взошла сія
Надъ злополучною скалой,
Поклонъ ей грустный посылая,
Гарольдъ смотрѣлъ. Но вотъ за мглой
Ее не видно. Быстро мчится
Корабль все дальше отъ скалы...
Чайльдъ въ море синее глядится,
Гдѣ съ ревомъ прыдаютъ валы.
Задумчивъ онъ, но въ темномъ взорѣ
Вдругъ стало ясно и свѣтло
И не хранить его чело
Слѣдовъ таинственнаго горя;
Теперь чужда ему печаль
И онъ глядитъ безмолвно въ даль.

XLII.

Заяглась заря. Вотъ скалы Сули, (*)
Вотъ Пинда дальніе верхи
Въ туманѣ раннемъ потонули,

(*) Среди скалъ, въ замкѣ Сули, 5,000 суліотовъ держались въ продолженіи 18 лѣтъ противъ 30,000 альбанцевъ. Замокъ наконецъ былъ взятъ чуждой.

А съ никъ сбѣгаютъ ручейки.
 Туманъ все рѣже... Свѣтомъ алымъ
 Играетъ день по высотамъ,
 И открываются по скаламъ
 Жилища горцевъ здѣсь и тамъ,
 Тамъ бродитъ волкъ, тамъ клювъ желѣзный
 Острие проснувшійся орелъ,
 Тамъ хищный звѣрь въ горахъ прошелъ,
 И хищный горецъ сталъ надъ бездной,
 Тамъ буря лѣсъ съ корнями рветъ
 И громъ грохочетъ круглый годъ.

XLIII

Въ странѣ невѣдомой, безвѣстной
 Гарольдъ теперь понять лишь могъ,
 Что, посѣтивши край чудесный,
 Онъ наконецъ былъ одинокъ.
 Онъ за бѣдами не гонялся,
 Но убѣгать ихъ не привыкъ;
 Онъ новымъ мѣстомъ наслаждался,
 Хоть берегъ былъ суровъ и дикъ.
 Для новизны—путей невзгоды
 Онъ постоянно презиралъ
 И съ хладнокровіемъ встрѣчалъ
 Суровость сѣверной природы,
 И выносилъ и жаръ и зной
 Роскошной, южною весной.

XLIV.

Вотъ красный крестъ, другой... Ихъ много,
 Ихъ не щадитъ ислама сынъ.
 Поруганъ здѣсь --служитель Бога
 И мирный, частный гражданинъ...

XLV.

Заливъ Амбраціи открылся...
 Здѣсь азіатскій властелинъ
 Съ морской грозой не разъ стремился,
 Владыка римскій не одинъ
 Здѣсь вель на бой свою дружину;
 Здѣсь новый Кесарь оставлялъ
 Свои трофеи... Нѣтъ помину
 О нихъ тѣперь,—ихъ блескъ пропалъ.
 Рабъ и властитель—стали прахомъ...
 О, для того-ль, скажи, мой Богъ,
 Весь этотъ міръ создать ты могъ,
 Чтобъ люди гибли со страхомъ
 И, покорясь своей судьбѣ,
 Ложились трупами въ борьбѣ?..

XLVI.

Черезъ иллирійскія долины,
 Черезъ грань зловѣщихъ дикихъ горъ
 Прошелъ Гарольдъ: отъ ихъ картины
 Онъ оторвать не могъ свой взоръ.
 Разказы путниковъ и гиды
 О тѣхъ мѣстахъ молчатъ для насъ...
 Роскошны греческіе виды,
 Прекрасны Темпе и Парнасъ,
 Но блескъ природы своенравной
 На томъ цвѣтущемъ берегу
 Сравнить я съ ними не могу.
 Я красоты не видѣлъ равной:
 Здѣсь берегъ Аттики святой
 Блѣднѣлъ предъ новой красотой.

XLVII.

Чайльдъ перешелъ черезъ Пиндъ холодный.
 Столицу края миновалъ,
 И вотъ направилъ путь свободный

Туда, гдѣ грозно управлялъ
 Страной альбанскою владыка.
 Тамъ власть его такъ велика,
 Что весь народъ давило дико
 Его кровавая рука.
 Тамъ и въ народѣ дики страсти
 И много шаякъ изъ за горь
 Готовы дать ему отпоръ
 И протестуютъ противъ власти.
 Народъ тамъ гордъ; надъ нимъ сильно
 Лишь только золото одно.

XLVIII.

О, Зитца (*)—садъ уединенья!
 Земли священный уголокъ!
 Что за цвѣты, что за растенья
 Растутъ внизу у самыхъ ногъ.
 Сверканье рѣкъ и рошъ прохлада...
 Природа южная щедра...
 Чу! звучный ропотъ водопада
 Дробится звономъ серебра...
 Лазурь небесъ ласкаетъ взоры,
 Повсюду блескъ и ароматъ
 И скалъ висящихъ цѣлый рядъ,—
 Но эти скалы, эти горы,
 Какъ ни отвѣсны, ни страшны,
 А все жъ манить къ себѣ должны.

XLIX.

Въ зеленой рошѣ, на вершинѣ
 Горы, имѣвшей скромный видъ,

(*) Монастырь и деревня Зитца лежатъ въ четырехъ часахъ ходьбы отъ Янины. Въ долину течетъ рѣчка Коломась, прежде Ахеронъ, которая не далеко отъ Зитцы низвергается красивымъ водопадомъ. Мѣсто это, можетъ быть, лучшее въ Греціи.

Есть монастырь; тамъ онъ до кнѣвъ
 Стѣнами бѣлыми блестятъ.
 Въ его стѣнахъ монахъ Элады
 Живетъ теперь; онъ не суровъ,
 Не хмуры старческіе взгляды
 И не знающа онъ готовъ
 Въ свой монастырь принять радушно,
 Свой скромный ужинъ раздѣлить
 И странникъ можетъ тамъ пробыть,
 Когда глядитъ не равнодушно
 На чудный край, и новый видъ
 Его плѣняетъ и дивитъ.

L.

Пускай же странникъ утомленный
 Здѣсь отдохнетъ въ полдневный зной.
 Свѣгла здѣсь зелень; благовоный
 Играетъ вѣтеръ. Здѣсь больной
 Въ себѣ найдетъ иныя силы.
 Пусть этотъ воздухъ жадно пьетъ—
 Не будутъ больше члены хилы
 И сладкимъ сномъ онъ здѣсь заснетъ.
 О, странникъ! Приходи же лѣтомъ
 Сюда, въ цвѣтушій, пышный садъ.
 Какъ дни и ночи пролетятъ
 Ты не замѣтишь въ мѣстѣ этомъ,
 Ты не замѣтишь никогда
 Какъ долго тянутся года.

LI.

Амонтаатромъ тѣннымъ, мрачнымъ
 Рядъ Хилерійскихъ альпъ встаетъ
 И тонетъ въ воздухъ прозрачномъ;
 Видна долина съ тѣмъ высотъ:
 Деревьевъ шумъ, садовъ прохлада,
 Въ горахъ ключей блестящихъ звонъ; —
 Рѣзвись бѣжизъ по полю стадо...
 Но вотъ и черный Ахеронъ,

Когда-то смерти посвященный!
 Плутонъ! въ твоёмъ ли я аду?
 О, если тамъ, я не пойду
 Къ тебѣ въ Элизіумъ смущенный!
 Мой темный призракъ не пойдётъ,
 Повѣрь, за грань твоихъ воротъ.

LII.

Нѣтъ городовъ кругомъ. Янина
 Стоитъ вблизи, но не видна.
 Здѣсь рѣдко встрѣтишь селянина
 И дымъ жилищъ. Вкругъ тишина...
 Лишь подъ горою шагомъ смѣлымъ
 Бредеть надъ бездной стадо ковъ;
 Пастухъ въ своемъ хитонѣ бѣломъ
 Къ скалѣ какъ будто бы приросъ,
 За стадомъ зорко наблюдаетъ,
 Слѣдитъ онъ за его игрой
 И къ камню дикому, порой,
 Головку дѣтскую склоняетъ,
 Иль подъ скалой нависшей ждетъ,
 Когда гроза въ горахъ пройдетъ.

LIII.

Додона! гдѣ жъ твоя дубрава?
 Ручей пророческій былъ тамъ.
 Гдѣ твой оракулъ вѣщій, слава?
 Гдѣ громовержца вѣчный храмъ?
 Ихъ нѣтъ кругомъ. И вы ли, люди,
 Теперь рѣшитесь сожалѣть,
 Что такъ легко изъ вашей груди
 Жизнь можетъ въ вѣчность стаять?
 Безумцы! если гибли боги,
 Искусства дивнаго дары,
 Крушились наци, міры,
 То вы ли, — слабы и убоги,
 Лишь на мгновенье рождены, —
 Погибнуть съ ними не должны?

LIV.

Все рѣже, рѣже стали горы,
 Назадъ, назадъ ушелъ Эфиръ,
 И вотъ кругомъ встрѣчаютъ вѣеры
 Однѣхъ долинь цвѣтущій мѣръ.
 Кругомъ весна! встаютъ равнины,
 Несутся рѣчекъ быстрины,
 Лѣсовъ зеленыхъ вершины
 Въ нихъ, какъ въ стеклѣ, отражены.
 И слышенъ гулъ и шумъ зеленый
 И говоритъ о чемъ-то лѣсъ...
 Вотъ мѣсяцъ всплылъ среди небесъ
 И въ часъ полночи полусонной
 Весеннимъ тихимъ, яснымъ сномъ
 Все забывается кругомъ.

LV.

За Томеритомъ солнце сѣло,
 Угрюмый Лаогъ волны мчалъ,
 Сходила ночь, когда не сѣло,
 Блуждая близъ прибрежныхъ скалъ,
 Гарольдъ увидѣлъ надъ рѣкою
 Блескъ минаретовъ изъ-за стѣны.
 Кругомъ все предано покою...
 Предъ нимъ открылся Тепалежь.
 Идетъ онъ ближе. Изъ долины
 Доносятъ вѣтеръ звуки... вотъ
 Шумъ сталъ сильнѣй, растетъ, растетъ...
 То раздавался крикъ дружины,
 Шумящей гдѣ-то за стѣной.
 Гарольдъ идетъ во тьмѣ ночной.

LVI.

Прошелъ гаремъ. Черезъ ворота
 Онъ предъ собою видѣть могъ.
 Жилище грознаго деснота,
 Великолѣнія чертогъ.

Тамъ онъ сидѣлъ. Передъ владыкой
 Перевести не смѣютъ духъ
 Рабы, солдаты, — голосъ дикій
 Готовъ ловить евнуха слухъ,
 Всѣ ждуть владыки приказанья
 И слово слышенъ бой сердець...
 Великъ и мраченъ былъ дворець,
 Смотрѣлъ тюрмой, — а въ этомъ зданьи
 Различныхъ климатовъ и странъ
 Толпился пестрый нараванъ.

LVII.

Въ богатыхъ сбруяхъ видны кони,
 Сверкаютъ кисти серебра,
 Снуетъ народъ и блещутъ брони
 Среди широкаго двора.
 Толпа смѣшалась въ безпорядкѣ,
 Пестрѣютъ платья при огнѣ;
 Тамъ чрезъ ворота на площадкѣ
 Мелькнулъ татаринъ на конѣ.
 Народъ толпится; очень страненъ,
 Разнообразенъ общій видъ:
 Альбанецъ съ грекомъ тамъ стоитъ
 И вмѣстѣ съ мавромъ мусульманинъ.
 Ночь наступила: барабанъ
 Услышалъ весь воинскій станъ.

LVIII.

Въ плащѣ альбанецъ величавый
 Шнурками золота обшитъ;
 Здѣсь македонца шарфъ кровавый,
 Тамъ съ шашкой Дельги; здѣсь стоитъ
 Въ своемъ нарядѣ грекъ красивый,
 Тамъ Нубія суровой смѣль,
 Тамъ въ сторонѣ стоитъ одинъ
 Угрою турокъ молчаливый.
 Онъ, какъ владыка, въявно вѣнъ,

На всѣхъ кругомъ глядитъ сурово
И посреди толпы ни съ кѣмъ
Проговорить не хочетъ слова.
Онъ слишкомъ грозенъ и великъ,
Чтобъ быть развязнымъ на языкѣ.

ЛХ.

Смѣшалось все: тамъ на ступени
Усылись группы; тамъ склонясь
Благочестиво на колѣни,
Свершаетъ турокъ свой намазъ,
Иные курятъ, тѣ играютъ,
Альбанецъ гордо смотритъ вокругъ
А греки хвастая собираютъ
Безмолвныхъ слушателей кругъ.
Но, чу! откуда жъ голосъ строго
Раздался тамъ; то пѣлъ одинъ
Съ своей мечети муззинъ
Слова: „нѣтъ Бога — кромѣ Бога,
А Магометъ его пророкъ...
Молитесь всѣ! великъ нашъ Богъ!“

ЛХ.

То было время рамазана.
Весь день въ молитвѣ проведенъ,
Но встала ночь изъ-за тумана
И снова праздникъ разрѣшенъ.
Вкругъ суета: рабы толнятся,
Роскошный столъ уже накрытъ
И яства сочныя дымятся;
На галлерей тьма лежитъ,
Изъ дальнихъ комнатъ раздается
Шумъ голосовъ, — нестройный звукъ...
Толпа пажей, рабовъ и слугъ
Взадъ и впередъ бѣжитъ, несется,
И слышны крики издали
Изъ комнаты грознаго Ади.

LXI.

Мы не услышимъ здѣсь, порою,
 Жонъ голосовъ; онѣ должны
 Жить подъ присмотромъ, подъ чадрую,
 Гаремной участи вѣрны.
 Онѣ сжились съ своею судьбою,
 Онѣ легко несутъ свой гнетъ
 И рады жертвовать собою,
 Когда ласкаетъ ихъ деспотъ.
 Имъ не дано другаго счатья,
 Какъ у груди своей кормить
 Дѣтей, — ихъ холить и любить
 Всею силою женскаго участья,
 Иной отрады и заботъ
 Имъ жизнь гаремовъ не даетъ.

LXII.

Въ бесѣдѣ пышной, гдѣ фонтана
 Струя прозрачная гремитъ,
 Гдѣ ложе мягкое дивана
 На отдыхъ сладостный манитъ,
 Въ коврахъ пушистыхъ утопая
 Али усталый возлежалъ,
 Съдую бороду склоняя.
 Онъ былъ старикъ. Кто бъ угадалъ,
 Какія тайныя движенья,
 Какія темныя мечты
 Скрывали старыя черты,
 Гдѣ поселилось преступленье?
 Какая черная тоска
 Терзала сердце старика?

LXIII.

Не пылкость юности смущаетъ
 Грудь старика избыткомъ силъ;

„Любовь съданы похорятъ“ —
 Гафизъ когда-то говорилъ.
 Мудрецъ Теосскій думалъ тоже,
 Но преступленья многихъ лѣтъ,
 Всю нѣжность чувства уничтожа,
 На немъ оставили свой слѣдъ.
 Такое сердце не томило
 Порывомъ огненнымъ любовь.
 За око—око кровь—за кровь!
 Вотъ все, что имъ руководило.
 Такихъ людей одинъ удѣлъ:
 Ужасный рядъ кровавыхъ дѣлъ.

LXIV.

Гарольдъ смотрѣлъ и былъ глубоко
 Той обстановкой пораженъ,
 Но пышной роскошью востока
 Сталъ наконецъ онъ утомленъ.
 Безумны прихоть безъ различья
 И пышность гордаго дворца,
 Гдѣ пресыщенное величье
 Привыкло къ лепету льстеца.
 Для насъ пріятнѣй то жилище,
 Откуда роскошь изгнана,
 Гдѣ, строгой скромности вѣрна,
 Проходитъ жизнь свѣтлѣй и чище,
 Гдѣ блескъ искусственный не могъ
 Переступить черезъ порогъ.

LXV.

Свирѣпъ и дикъ альбанецъ съ виду,
 Но вы, Альбаніи сыны,
 Врагамъ дадите-ли въ обиду?
 Они несутъ труды войны,
 Они стремительны и скоры,

Суровымъ мужествомъ горды;
 Они, какъ скалы ихъ и горы,
 Непоборимы и тверды.
 За то ихъ дружество надежно.
 Грозитъ ли краю ихъ бѣда,
 Враги-ль явились—ихъ тогда
 Скликать на битву смѣло можно:
 Они безстрашно всюду шли,
 Куда бы ихъ не велъ Алл.

LXVI.

Въ дворцѣ ихъ гордаго владыки
 Чайльдъ видѣлъ ихъ: на зовъ войны
 Они сошлись при общемъ кликѣ...
 Онъ видѣлъ ихъ, дѣтей страны,
 Когда въ неволю къ нимъ попался,—
 Но какъ народъ тотъ не суровъ—
 Его обидѣ не рѣшался
 И далъ ему приютъ и кровъ.
 Вы, развитой Европы дѣти,
 Всегда ль такъ кротки и мягки?
 Вы, Чайльдъ-Гарольда земляки
 Способны-ль на услуги эти?...
 Въ дѣлахъ, гдѣ сердце говорить,
 Мы чаще встрѣтимъ рядъ обидъ.

LXVII.

Однажды буря къ скаламъ Сули
 Борабль Гарольда принесла.
 Гроза ревѣла, вѣтры дули,
 А берегъ глухъ—тамъ ночи мгла.
 Куда жъ идти? За рядъ утесовъ?
 Тамъ ждетъ засада, можетъ быть,
 А въ морѣ—гибель для матросовъ
 Готовитъ буря. Какъ рѣшить?

Вотъ судно къ берегу пристало;
 Весь экипажъ, бродя межъ скалъ,
 Съ врагами встрѣчи ожидалъ:
 Местъ суліотовъ тѣхъ пугала,
 Местъ дикарей всѣхъ береговъ,
 Нерѣдко рѣзавшихъ враговъ.

ЕХVІІІ.

Напрасный страхъ! Къ нимъ суліоты
 Съ привѣтомъ дружескимъ пришли,
 Черезъ опасныя болота
 На вѣрный путь ихъ навели.
 Передъ огнемъ они сушили
 Одежду странниковъ; потомъ
 Трапезой скромной угостили—
 Душистымъ мясомъ и виномъ...
 Дикарь готовитъ гостю ужинъ,
 Даетъ усталому покой!
 Скажите жъ мнѣ—еще какой
 Для васъ урокъ, о люди, нуженъ,
 Для васъ, которымъ жизнь даетъ
 Путь безъ тревогъ и безъ заботъ?..

ЕХІХ.

Когда жъ оставить эти горы
 Хотѣлъ Гарольдъ и вдругъ узналъ,
 Что въ край ворвались мародеры
 И дерзко грабили межъ скалъ,
 Тогда нашъ странникъ взялъ съ собою,
 Въ пути предчувствуя бѣду,
 Проводниковъ, готовыхъ къ бою,
 Привыкшихъ къ долгому труду.
 Лѣсъ Акарнаніи опасный
 Ужъ назади... Гарольдъ одинъ.
 Онъ очутился средъ равнинъ

Полей Этоли прекрасной,
Гдѣ Ахелоуса потокъ
Катился весель и широкъ.

LXX.

Онъ видитъ бухту. Въ ней лѣниво
Смиряетъ ропотъ свой волна;
Тамъ на холмѣ вблизи залива
Темнѣетъ зелень... Ночь темна;
Кустарникъ вѣтеръ чуть колышетъ
И, пробѣгая по волнѣ,
Въ нее съ любовной лаской дышетъ,
Къ ней льнетъ въ полночной тишинѣ.
Гарольдъ глядитъ. Картина эта,
Гдѣ все въ дремотѣ сладкой спитъ,
Въ немъ наслажденье шевелитъ
И шепотъ тихаго привѣта.
А ночь плыветъ въ огнѣ свѣтилъ....
Такія ночи онъ любилъ.

LXXI.

На берегу огни сверкаютъ,
Оконченъ праздникъ, и кругомъ
Въ толпѣ веселой наполняютъ
Всѣ чаши пурпурнымъ виномъ.
Но вотъ въ огнѣ скользнули пары,
Веселый голосъ раздался
И заплясали поликары:
Народный танецъ начался.
Отбросивъ мечъ, сплелися руви;
Толпа сомкнулась въ общій кругъ,
И тишину ночную вдругъ
Смутили пѣсенъ дикихъ звуки,
На лицахъ радость, смѣхъ и жаръ
И съ кривомъ пляшетъ поликаръ...

LXXII.

На эту пляску въ отдаленнѣ
 Смотрѣлъ Гарольдъ и уловлялъ
 Ихъ танца дикаго движенья,
 Но онъ его не возмущалъ;
 Ихъ крики слуха не пугали...
 Когда жъ на лицахъ дикарей
 Живѣе щеки запылали,
 Движенья сдѣлались быстрѣй,
 Когда ихъ кудри въ танцѣ смѣломъ
 Волной разсыпались, въ тотъ мигъ, —
 Ихъ голосъ былъ могучъ и дикъ, —
 Они запѣли общимъ хоромъ,
 И въ полуночный этотъ часъ
 Такая пѣсня раздалась:

1.

Барабаны! вашъ грохотъ съзываетъ
 На войну и побѣду народъ,
 Илирійцевъ безстрашныхъ собираетъ,
 И на зовъ вашъ слѣзшитъ суліотъ.

2.

Кто же равень въ бою суліоту,
 Въ бѣлой туникѣ съ толстымъ плащемъ?
 Онъ, какъ коршунъ, летитъ на работу
 И въ равнину слетаетъ пращемъ.

3.

Въ нашихъ дѣтяхъ, лишь съ мстью знакомыхъ,
 Есть ли жалость? Имъ кровь дорога.
 Дастъ ли пуля ихъ мѣткая промахъ,
 Если мѣтится въ сердце врага?

4.

Македонія плетъ строй за строемъ,
 Всѣ покинуть пещеры должны;
 Прежде шарфы мы кровью покроемъ,
 А потомъ ужъ и сабли въ ножны!...

5.

Пусть суда свои кинуть пираты,
 По домамъ идутъ, кончивши бой,

И, наградой одною богаты,
Только плѣнныхъ приводятъ съ собой.

6.

Не ищу я богатства вельможи,
Мечъ мой ищетъ наградъ бѣдняка:—
Дѣва въ длинныхъ кудряхъ мнѣ дороже...
За нее моя мечь велика.

7.

Только дѣвъ я люблю въ этомъ мѣрѣ,
Усыпятъ онѣ пѣсней любви...
О, сыграй же мнѣ, дѣва, на лирѣ,
Какъ отцы твои гибли въ крови.

8.

Кто забылъ, какъ Превизу мы брали?
Только головы прыгали съ плечъ;
Жгли дома мы, добычи искали,
Лишь красавицъ не трогалъ нашъ мечъ.

9.

Страхъ! Пощада!.. Но кто же на это
Отозвался?—Мы съ визиремъ шли:
Со временъ самого Магомета
Мы не звали храбрѣе Али.

10.

Черный Муктаръ *) на берегъ Дуная
Внесъ въ станъ гяуровъ смерть и бѣды;
Наша конница, страха не зная,
Прогнала московитовъ ряды.

11.

Меченосецъ! Сюда мечъ владыки!
Барабаны о битвѣ гремятъ!—
Мы вернемся при радостномъ кличѣ
Иль совсѣмъ не вернемся назадъ.

LXXIII.

О, Греція — гробница славы!
Ты и въ паденьи велика!..

*) Одинъ изъ сыновей Али-Паши.

Рабы! воспрянете когда вы?
 Съ васъ иго свергнетъ чья рука?
 Найдемъ ли въ васъ, больныхъ и хилыхъ,
 Героевъ Греціи святой,
 Погибшихъ гордо въ Фермопилахъ,
 Отдавшихъ жизнь за край родной?
 Кто жъ духъ воинственный Эллады
 Вновь воскреситъ въ груди рабовъ?
 Они ль возстанутъ изъ гробовъ
 И рабства рушатся преграды,
 И будутъ Аттика сыны
 Опять свободны и сильны?

LXXIV.

Свобода! Съ свитой Фразибула
 Давно ль неслась ты между горъ?
 О, еслибъ ты теперь взглянула
 На падшей Греціи позоръ!..
 Теперь не грозные тираны
 Ей цѣпи тяжкія куютъ.
 Но каждый ей наноситъ раны,
 Надъ ней заноситъ дерзкій кнутъ,
 И цѣлый край лежитъ безъ силы
 И на спинѣ своей несетъ
 Безславно свой турецкій гнетъ...
 Рабы съ рожденья до могилы
 Для дѣлъ безсильны и для словъ:
 Ихъ не смущаетъ звонъ оковъ.

LXXV.

Они не тѣ... Когда сверкаетъ,
 Порой, огнемъ ихъ быстрый взглядъ,
 Быть можетъ, каждый ожидаетъ:
 Свобода къ нимъ придетъ назадъ.
 Они вѣрны еще надеждѣ,
 Что наконецъ тотъ часъ придетъ—
 Наслѣдье предковъ имъ вернетъ
 И возвратитъ, что было прежде...
 Ихъ ноги цѣпи тяготятъ,
 Имъ снится призракъ прошлой славы,

Они съ надеждою глядятъ
 На иностранныя державы,
 Чтобъ хоть они пришли сорвать
 Съ нихъ рабства горькаго печать.

LXXVI.

Рабы! Но развѣ вы забыли:
 Кому свободы сладокъ даръ,
 Тѣ рабству сами наносили
 Въ бою рѣшительный ударъ.
 Защиты ль русскаго народа
 Хотите вы? Спасетъ васъ галль?
 Но хоть бы врагъ ихъ мечъ узналъ—
 Ихъ слава ждетъ,—но все жъ свобода
 Не будетъ Греціи дана.
 Мѣняй же бѣдная страна
 Своихъ владыкъ,—они могучи,—
 Но надъ тобой все будутъ тучи.
 Твой блескъ угасъ ужъ съ давнихъ поръ:
 Тебѣ остался лишь позоръ.

LXXVII.

Пусть древній городъ турки взяли—
 Гяуръ опять его возьметъ,
 На башню пышнаго серая
 Франкъ побѣдителемъ взойдетъ;
 Опять, быть можетъ, будетъ время,—
 Европу встрѣтитъ рядъ обидъ,
 И вагабитовъ грозныхъ племя
 Весь западъ кровью обагрить,—
 Но на проклятомъ этомъ мѣстѣ,
 Гдѣ проливалась только кровь
 Не встрѣтимъ мы свободы вновь;
 Здѣсь рабъ влачить въ безсильной мести
 Свои оковы, никогда
 Не отдыхая отъ труда.

LXXVIII.

Мы обратимъ теперь вниманье
 На ихъ веселье предъ постомъ.

Тотъ постъ молитвъ и покаянья
 Блюдется строго въ краѣ томъ,
 И на колѣняхъ начинается
 Народъ замаливать свой грѣхъ...
 Но постъ еще не наступаетъ,
 Разрѣшены теперь для всѣхъ
 Веселье, праздники; подъ маской,
 Надѣвши праздничный нарядъ
 Толпа стремится въ маскарадъ,
 На площадяхъ кружится съ пляской,
 На карнавальный пиръ идетъ
 Шумить, хохочетъ и поетъ.

LXXIX.

Стамбулъ! Ты прежде веселился...
 (Грусть овладѣла снова мной)
 Тогда еще не осквернился
 Ты мусульманскою чалмой,
 И грѣхъ не видѣлъ разрушенья
 Своихъ священныхъ алтарей.
 Не испытавъ порабощенья,
 Онъ на пирахъ сидѣлъ бодрѣй;
 Онъ, какъ теперь, не притворялся
 Въ своемъ весельи... шумъ и гулъ...
 Съ утра ликуетъ весь Стамбулъ
 До поздней ночи, и сливался
 Въ единый гимнъ, въ единый хоръ
 Весь торжествующій Босфоръ.

LXXX.

На берегу толпы пестрѣли.
 Чу! гдѣ-то пѣсня замерла...
 И голубыя волны пѣли
 Подъ равномерный звукъ весла;
 А съ вышины небесъ сіяла
 Царица блѣдная ночей
 И въ быстрыхъ струйкахъ отражала
 Снопъ серебряныхъ лучей.
 Вотъ вѣтерокъ подулъ въ эфиръ,
 И ликъ задумчивой луны
 Вдругъ задрожалъ въ игрѣ волны
 И на мгновенье вспыхнулъ шире,

И блескомъ волнъ со всѣхъ сторонъ
 Стагъ темный берегъ озаренъ.

LXXXI.

На берегу танцуютъ дѣвы,
 Мелькаютъ лодки по рѣкѣ.
 Огонь очей... любви напѣвы...
 Рука горитъ въ другой рукѣ,
 Движенью тайному послушна...
 Отъ всѣхъ тоска бѣжала прочь...
 Кто захотѣлъ бы равнодушно
 Покинуть праздникъ въ эту ночь?
 Любовь! пусть циникъ отвергаетъ
 Тебя въ твоемъ вѣнчѣ изъ розъ,
 Но каждый годы долгихъ слезъ
 Выносить легче и страдаетъ,
 Чтобъ только день такой прожить,
 Чтобъ только часъ одинъ любить.

LXXXII.

Но здѣсь всѣ веселы едва ли
 Въ движеніи общей суеты;
 Слѣды мучительной печали
 Скрывали многія черты.
 Для нихъ несносно волнъ журчанье,
 Какъ пробужденная тоска,
 И поднимаетъ въ нихъ страданье
 Безпечный смѣхъ весельчака.
 И шумъ и говоръ маскарадный,
 И время, кажется, идетъ
 Для нихъ не скоро; каждый ждетъ,
 Чтобъ могъ скорѣй костюмъ парадный
 На бѣлый саванъ промѣнять
 И сонъ могильный испытать.

LXXXIII.

Эплады истинные дѣти, —
 А есть ли тамъ теперь они? —
 Должны понять страданья эти;
 Не тѣ сыны, что въ наши дни
 Кричатъ: на бой! а жаждутъ мира,
 Передъ тираномъ рады лечь,
 Хоть о прошедшемъ плачутъ сироты,

Но на соху сивинни мечь.
 Элиада! Грустно немелъчани
 Твои сыны! Свои вѣнны
 Не завѣщали имъ отцы;
 Они твоимъ позоромъ стали!
 Герои древней старины
 Твоихъ гражданъ стѣдить должны.

LXXXIV.

Когда возстануть легионы,
 Проснутся Аттики сыны
 И снова греческія жоны
 Родятъ героевъ для страны,—
 Тогда лишь только край узнаеть
 Иную жизнь, уставъ страдать...
 Тысячелѣтье пролетаетъ,
 Чтобъ славу націй ооздаеть,
 За то довольно и мгновенья,
 Чтобъ подвигъ славы въ крахъ разбить
 И государство раздробить,
 И надъ кладбищемъ разрушиться
 Не всходитъ многіе годъ
 Величья прежняго звѣзда.

LXXXV.

Но все же ты еще прекрасна
 Земля потерянныхъ боговъ;
 Ты хороша, хоть и несчастна,
 Вездѣ — средь пышныхъ береговъ,
 Тамъ, гдѣ бѣгутъ сверкая воды,
 Гдѣ аромать и тишина...
 Видна вездѣ любовь природы
 Бъ тебѣ, печальная страна....
 Твои классическія зданья
 Среди классической земли
 Лежатъ обломками въ пыли...
 Такъ гибнетъ все безъ состраданья,
 Лишь трудъ великаго Творца
 Не знаетъ смерти и конца

LXXXVI,

Кругомъ развалины... Колонна,
 Травой заросшая, лежитъ,

Да на утесъ храмъ Тритона
 Въ рѣку прозрачную глядитъ.
 Видъ общій—мертвенно-спокоенъ...
 Зеленымъ мхомъ поросъ курганъ,
 Гдѣ, можетъ быть, когда-то воинъ
 Погибъ въ бою отъ смертныхъ ранъ.
 Его покоя не тревожить
 Кругомъ никто... Когда жъ сюда
 Заходитъ странникъ иногда,
 Сказать онъ только съ грустью можетъ:
 „Увы! какой здѣсь мертвый видъ!“
 И вздохъ невольный затантъ.

LXXXVII.

Но это небо также сине,
 Утесы дики, зеленъ лѣсъ,
 Твои оливы зрѣютъ нынѣ,
 Какъ при Минервѣ въ вѣкъ чудесъ.
 Какъ прежде, медъ течетъ янтарный,
 Трудится рѣзвая пчела,
 И трудъ свершая благодарный,
 Какъ прежде, вьется у дупла.
 А лѣто длинное Элады
 И рядъ распавшихся колоннъ
 Все также грѣетъ Аполлонъ,
 Но спять разбитыя громады
 И слава спить въ оковахъ сна:
 Природа царствуетъ одна.

LXXXVIII.

Куда бъ мы взглядъ не обратили—
 Здѣсь все: земля и небеса
 Воображеніе будили,
 Напоминая чудеса.
 Повсюду блескъ, иныя краски
 Въ роскошной зелени, въ цвѣтахъ;
 И сказки музъ для насъ не сказки
 Въ очаровательныхъ мѣстахъ.
 Сѣдое время не посмѣло,
 Разрушивъ храмины Афинъ,
 Коснуться дѣвственныхъ равнинъ
 И только издали глядѣло,

Какъ улыбалась вокругъ весна
 Всегда свѣжа, всегда ясна...

LXXXIX.

Земля и солнце—здѣсь все то же....
 Вотъ поле битвы: для рабовъ
 Оно всего теперь дороже:
 Здѣсь персовъ встрѣтилъ мракъ гробовъ,
 Здѣсь поднялъ эллинъ мечъ кровавый,
 Здѣсь помнятъ день,—забытъ-ли онъ?—
 Когда при словѣ Маратонъ
 Гордился грекъ минувшей славой,
 И рядъ картинъ предъ нимъ вставалъ:
 Кровавый бой, гдѣ врагъ дрожалъ,
 Побѣды, вызовы, сраженье,
 Крикъ, вопль пощады, пораженье
 И гулъ торжественный кругомъ
 Предъ опрокинутымъ врагомъ.

XC.

Вотъ здѣсь—мидянинъ пораженный:
 Колчанъ безъ стрѣлъ, иломанъ лукъ;
 Тамъ грекъ, мечомъ вооруженный,—
 Кругомъ враги и смерть вокругъ...
 И что жъ встрѣчаемъ въ эти годы
 Въ странѣ, которая могла
 Разъ испытать дары свободы
 И карой Азіи была?
 Что видимъ здѣсь? Земля изрыта,
 Рядъ опрокинутыхъ гробницъ,
 Урнъ обезчещенныхъ, божницъ,
 Да пыль отъ конскаго копыта
 Пріѣзжій странникъ заноситъ
 Сюда, блуждая вокругъ могилъ.

XCI.

Но между тѣмъ къ твоимъ руинамъ
 Спѣшитъ народъ со всѣхъ сторонъ,
 Порой, къ аттическимъ равнинамъ
 Капризнымъ вѣтромъ занесенъ.
 Твои священныя повѣрья
 И твой божественный языкъ
 Повсюду чтить безъ лицемѣрья
 На долго мѣръ земной привыкъ

Ты—старцевъ, знанней ограда,
Тебя глубоко чтить мудрецъ
И вдохновляетъ тобой пѣвецъ,
Когда и Муза и Паллада
Ему дары свои сулятъ
И въ сердцѣ пѣсни шевелятъ.

XСII.

Кто одиночествомъ страдаетъ,
Тотъ пусть Элладу посѣтитъ,
Пусть эту землю онъ лобзаетъ...
Здѣсь жизнь весельемъ не дивитъ,
Здѣсь не найдемъ мы развлеченья,—
Не тѣмъ Эллада хороша:
Въ странѣ тоски, уединенья
Смирится гордая душа.
Здѣсь одинокій странникъ будетъ
Жить безъ тревогъ; полей просторъ
Вездѣ найдетъ усталый взоръ;
Онъ скоро край родной забудетъ
Для мѣстъ, куда случайно рокъ
Перенести скитальца могъ.

XСIII.

Идите жъ вы въ тотъ край священный,
Но да не смѣетъ тамъ слезна
Остатковъ древности безцѣнной
Коснуться дерзкая рука!..
И безъ того теперь ихъ мало!..
О, странникъ! Ихъ боготвори:
На память древность завѣщала
Намъ только эти алтари;
Да рядъ развалинъ видны взорамъ...
Теперь мы ихъ не оскорбимъ
Прикосновеніемъ своимъ,
Иначе заклеятъ позоромъ
На всѣ вѣка и времена
Пришельцевъ дерзкихъ имена.

XСIV.

А ты, игравшій намъ на лирѣ
Вотъ эту пѣсню до конца,
Твой голосъ скоро стихнетъ въ мирѣ
Для пѣсенъ новаго пѣвца.

Я лавръ увядшій уступаю
 Ему безъ бою: на землѣ
 Я съ равнодушіемъ внимаю
 Какъ похвалямъ, такъ и хулѣ.
 Всѣ тѣ, которые любили
 Меня, и отъ кого я ждалъ
 Съ невольнымъ трепетомъ похваля —
 Теперь давно лежать въ могилѣ:
 Вѣдь больше некого хвалить,
 Когда ужъ некого любить!..

ХСV.

Тебя ужъ нѣтъ на свѣтѣ тоже!
 Ты отошла въ тотъ міръ любя!
 О, кто жъ остался мнѣ дороже
 На этомъ свѣтѣ безъ тебя?
 Чьи чувства были больше святы?
 Кто такъ тепло меня любилъ?..
 Не отшатнулась отъ меня,
 Хотя я того достоинъ былъ.
 Ты умерла!.. Зачѣмъ живу я?
 Зачѣмъ вернулся я назадъ,
 Гдѣ ужъ не встрѣчу милый взглядъ?
 Зачѣмъ рвался къ тебѣ тоскуя?..
 Зачѣмъ? Слезами рвется грудь,
 Но ужъ былаго не вернуть.

ХСVІ.

О, вѣчно милая подруга!
 Кто мнѣ отдастъ тебя опять?
 Ужаснѣй въ мірѣ нѣтъ недуга:
 Съ прошедшимъ связи разорвать.
 Въ могилѣ ты, — но образъ милый
 На долю память сберегла...
 О, смерть! ее ль одну могилой
 Ты отъ меня оторвала?
 Мать... другъ... Вотъ новая гробница
 Опять раскрылась. Жизнь не ждетъ,
 И рядъ печалей новыхъ шлетъ
 Ея тяжелая десница,
 Чтобъ отравить мнѣ каждый день
 И на чело набросить тѣнь.

XCVII.

Ужель въ толпу я брошусь снова,
 Туда, гдѣ слышенъ смѣхъ глупца,
 Гдѣ исказить иное слово
 Черты усталого лица?..
 Къ чему жъ напрасное старанье
 Тамъ подъ улыбкой затаить
 Свое глубокое страданье?
 Оно сольется, можетъ быть,
 Въ одну морщину тайной боли,
 Гдѣ послѣ слезы побѣгутъ,
 И губы смѣхомъ не солгутъ,
 Не подчинятся новой роли,
 И искривленный смѣхомъ ротъ
 Лишь корча нервная сведетъ.

XCVIII.

Чѣмъ жизнь подъ старость — наказанье?
 Что тѣнь наводитъ на челѣ?
 То зло: печальное сознанье,
 Что всѣ друзья твои въ землѣ,
 Что ты, какъ я теперь, на свѣтѣ
 Для всѣхъ чужой и одинокъ...
 Къ чему жъ такъ долги годы эти?
 Какъ будто не пришелъ ихъ срокъ?
 Съ тѣхъ поръ, какъ время схоронило
 Мои надежды и любовь, —
 Все, чѣмъ кипѣла прежде кровь —
 Все нынче старость придавила,
 И въ этомъ сердцѣ старика
 Теперь живетъ одна тоска.

конецъ 2-й пѣсни.

Дмитрій Минаевъ.

РУССКОЕ СЛОВО

1145-1

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1864.

27